

СЛОВО МАСТЕРА

26 сентября исполняется 75 лет со дня рождения нашего великого современника и соотечественника, композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Весь мир будет отмечать эту дату: жизнь и творчество крупнейшего мастера XX столетия — достояние не только нашей страны, но и всего прогрессивного человечества.

Горьковчане должны гордиться тем, что именно у нас состоялся первый фестиваль, посвященный музыке Шостаковича. Сам композитор писал об этом событии: «Запомнились дни фестиваля в Горьком. Мне была оказана большая честь — почти пятьдесят моих произведений исполнялись во время фестиваля. В Горьком постоянно проводятся фестивали, проходят авторские концерты и музыкальные премьеры...»

В честь юбилея Шостаковича «Музыкальная среда» открывает рубрику «Композитор XX века». В течение всего сезона 1981/82 г. г. в этой рубрике будут публиковаться материалы, связанные с жизнью и творческой деятельностью великого композитора. А открывает рубрику рассказ о Шостаковиче, составленный из его собственных высказываний о себе, об искусстве, о важнейших сочинениях.

Он всегда был немногословен, этот человек, самое существо которого — музыка. Не выступал с речами, не раскрывал подробно «содержания» своих произведений, считая, что все высказал музыкой. Горьковчанам повезло, может быть, больше других: Шостакович был депутатом Верховного Совета СССР от Горьковской области. Приезжая в наш город, к своим избирателям, он приходил в консерваторию: его всегда просили послушать сочинения студентов — будущих композиторов. Многие консерваторцы тех лет хранят в памяти драгоценные минуты общения с Дмитрием Дмитриевичем, его облик, удивительно скромный, его взгляд, внимательный и серьезный, его тихий голос и сбивчивую речь. Он сидел в переполненном на таких прослушиваниях Малом зале, на третьем этаже консерватории, сидел где-то сбоку, у стены, и слушал музыку начинающих, неопытных авторов — она давалась в магнитофонной записи или в исполнении студентов, — и дух захватывало от одной мысли о том, что это — он. Сам Шостакович, так вот, запросто, здесь, среди нас, и сейчас, когда отзвучат фортепианные пьесы композитора-третьекурсника, он встанет и произнесет Слово Мастера... А он не «произносил». Он говорил очень просто, всегда кратко, и всегда доброжелательно. Но каждое слово западало в память и прорастало в ней чем-то необыкновенно важным и значительным...

А о себе — всю жизнь — говорил очень мало. И потому каждое из таких высказываний, промелькнувших на страницах газет и журналов, — сокровище. Перелистаем эти старые страницы, и облик музыканта, человека, гражданина, пусть нечетко, всего — лишь контурно, предстанет перед нами.

Что прежде всего волнует творца — будь то писатель, художник или композитор? Конечно, адресат творчества. Как будет воспринято новое произведение, найдет ли отклик в народном сердце? Думал об этом и Дмитрий Дмитриевич Шоста-

кович. Ему — слово.

«Хочу высказать некоторые свои соображения по вопросу о взаимоотношениях композитора и слушателя, — писал он в газете «Правда» (17 июня 1956 г.). — Быть услышанным и понятым как можно более широким кругом современных слушателей — заветное желание каждого советского композитора. Среди нас, как я думаю, нет никого, кто бы не мечтал об этом. Однако, далеко не всегда это желание осуществляется. Оперные, симфонические, камерные произведения наших композиторов не часто получают широкую, всенародную популярность. В чем же дело?»

Во многом, конечно, виноваты мы, композиторы: мы не всегда достаточно заботимся о мастерстве, доходчивости своих произведений, о яркой, выразительной мелодии, о прекрасной инструментровке, об активном использовании народного музыкального творчества. Между тем, часто забывают о другой стороне — о необходимости серьезно, систематически пропагандировать и популяризировать новые произведения советских композиторов, особенно симфонические и камерные. Это относится как к современной, так и к классической музыке».

«Мастерство и ремесло». Так названа статья Д. Д. Шостаковича, опубликованная в газете «Советская культура» 20 декабря 1956 года. Написанная ярко, проблемно, по-хорошему пристрастно, статья не утратила актуальности и сегодня, хотя прошло уже четверть века. Композитор пишет: «Нас, советских композиторов, часто упрекают в отсутствии достаточно высокого мастерства, неумении убедительно, художественно совершенно воплотить значительные темы и сюжеты нашей действительности. Упреки эти справедливы, но неточны. Я бы поставил вопрос резче. Сотни раз произносив по любому поводу (а подчас и без всякого повода) слово «мастерство», мы настолько привыкли к нему, что применяем его то и дело совсем не там, где нужно.

Если композитор умеет грамотно и достаточно внятно изложить свою мысль, если он может без труда инструментовать сложное оркестровое tutti, написать фугу, канон, даже двойной канон, то все это еще не свидетельствует о мастерстве его. Мастерство, с моей точ-

ки зрения, — понятие гораздо более высокое, и свободно владела им не все даже выдающиеся композиторы. Коротко понятие мастерства можно было бы, вероятно, сформулировать приблизительно так: мастерство — это способность, умение находить художественно совершенное, неотразимое в красоте своей образное воплощение мысли-идеи. Причем, это крайне существенно, идея эта обязательно должна быть значительной по своему содержанию, горячо волнующей слушателя. Таким было, в частности, мастерство Бетховена, Баха, Моцарта, Чайковского, Мусоргского, Шуберта.

При подлинном мастерстве профессиональная техника композитора никогда не выпирает на первый план. Подчас она даже незаметна... Танеев однажды хорошо сказал про Моцарта: «Двойные и тройные контрапункты, обращенные контрапункты и т. д. — все это в изобилии встречается, например, в струнных квартетах и квинтетах Моцарта. Между тем, Моцарт один из самых понятных и общедоступных композиторов, и его контрапунктическая ученость часто только помогает ему быть ясным».

Именно так: настоящая ученость помогает простоте.

Хотелось бы, прочтя этот фрагмент статьи Д. Д. Шостаковича, обратить внимание не только на существо высказанных им мыслей и соображений. Сама форма высказывания говорит здесь о многом. Давая блистательное по точности и глубине определение мастерства, — понятия емкого и чрезвычайно сложного, — композитор сопровождает свое определение словами «вероятно» и «приблизительно!». За этой манерой выражения явственно видим не только мудрого, проницательного художника, но и необыкновенно деликатного, скромного человека, далекого от назвничной декларативности в речи, в образе мышления, в самой своей человеческой сути...

Проблема отношения к классическому наследию, отношения творческого, деятельного, неизбежна для каждого художника. Мало кому, однако, удалось разрешить ее столь практически, совершив гигантскую работу, сроднившись с художественным шедевром прошлого, как это удалось Шостаковичу. Имеется в виду его редакция оперного наследия Мусоргского.

О работе над партитурой «Бориса Годунова» Шостакович рассказывает в газете «Известия» (1 мая 1941 г.)

«Я благоговею перед Мусоргским, считаю его величайшим русским композитором. Как можно глубже вникнуть в первоначальный творческий замысел гениального композитора, раскрыть этот замысел и донести до слушателя — такова была задача».

Редакция «Бориса Годунова», сделанная Н. Римским-Корсаковым, отражает идеологию, мысли и мастерство прошлого века... Мне хотелось проредактировать оперу в ином плане, отразить в ней, насколько возможно, черты советской эпохи.

Над редактированием оперы «Борис Годунов» я работал с огромным волнением. За партитурой буквально просиживал дни и ночи. Пожалуй, за последние годы это была одна из моих самых увлекательных работ...».

Шостакович — и классик. Почему хочется именно этой темой закончить обзор высказываний композитора?

Конечно, потому, что сегодня Шостакович — классика XX столетия, гордость всей современной культуры. И наше отношение к его творчеству сродни тому благоговению, которое питал к своим предшественникам — классикам века XIX — великий мастер Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Обзор подготовила Л. ЛЕОНОВА.

НА СНИМКЕ: Дмитрий Дмитриевич Шостакович — выдающийся советский композитор